

ЧЕТЫРЕ. ДЕВЯТНАДЦАТЬ. ДВАДЦАТЬ ДВА

Республика Коми славится своим книгоизданием. Правда, русскоязычную поэзию как-то странно чтят. Национальная упертость не позволяет признать возможность адекватного перевода на чужой русский их национальных авторов. Так случилось с изданием книги билингва Александра Лужикова. В которой от почти двадцати поэтов-переводчиков со всей России (которые не первый десяток лет занимаются этим, известны своими работами всей стране) осталось человек пять, а половина объема была срочно сделана местным автором. Тут Лужикову повезло – этим автором оказался Андрей Попов. Это сильно скрасило поведение местных националистов – выбрали достойного. Попов – прекрасный поэт и переводчик.

Но, может из-за этакой упертости, как такового института редактора-составителя в Сыктывкаре сегодня нет. Авторские книги чаще всего выходят в виде сборников стихов. В которых стихи из прежних книг дополняются «до объема». Такой сборник сейчас перед нами.

Как говорит прозаик Ильдар Абузяров: «Когда читатель протягивает руки к приглянувшемуся корешку, навстречу ему уже тянет две руки с книгой Бог. Ну, или бес...».

Вот и захотелось разобраться, от кого же подарок. Собирался сначала сделать небольшой отзыв, но материал оказался слишком серьезным для поверхностного разговора. Если читатель ждет от меня построчного разбора, разговора о тропах и открытиях в поэтической форме, то – разочарую: задача моя иная. Разговор куда глобальнее, обобщеннее – о поэте и его творчестве. А литературоведческие филологические изыскания оставим университетским работникам.

О ТОМ, ЧТО ДУША МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ ТЕЛА

Читателей у поэта Андрея Попова с каждым годом будет все меньше. Потому что его читатель – не просто любитель поэзии, а человек или уже верующий или ищущий свою веру. А по всем статистическим данным в России православных чуть больше 6,5 %. Тех, кто не только изредка посещают храм, но и исповедуются и причащаются, читают Евангелие, Жития Святых, молятся. А значит – их меньшинство. А сколько из них читают настоящую поэзию? Единицы, особенно после издания всяческих «несвятых святых»...

Тут бы надо создать очередное сообщество меньшинства. Начинать защищать права человека на уровне всяких международных организации.

Но мы просто начнем разговор о поэзии. Так как и поэты сегодня относятся к меньшинствам. А верующие поэты, а не версификаторы-филологи-словоблуды, не неофиты, не литераторы-монахи-священники – в еще большем меньшинстве.

Внимательный читатель здесь воскликнет: «Ах, вот почему у него такое странное название статьи!..» Это он их посчитал. И по-своему окажется прав. Посчитал...

Хотя дело, конечно, не в математике... И цифры тут совсем по другой причине. Андрей Попов поставил в название слова из Евангелия от Матфея, и слова эти из стиха 4.19.22.

Поэт, таким образом, выносит не просто в эпиграф, а в заглавие, в лозунг мысль: «Читайте мои стихи, внимайте им, я не от себя говорю...»

Строки эти – прелюдия к другим, которые тоже в Евангелии: «Идите за мной». Но никаких пророческих речей далее вы не услышите. Поэт просто живет с Книгой в руках, с душой – внимающей Слову. А посланное Свыше – говорил Другой. Вот только слушать сегодня хотят (или могут?) единицы.

Есть ли в мыслях А. Попова еретические помыслы? Не знаю. Есть гордыня? Может быть... но не больше, чем у выходящих на сцену получать литературную премию из рук Патриарха.

А значит, мы можем относиться к написанному А. Поповым с не меньшим доверием, чем к любым прочим сочинениям, обращенным к душе читателя.

Во все века бытовые потребности люди могли удовлетворить сами. А восполнять духовную жажду им помогали если не сами Апостолы, то люди творческие, одухотворенные. И про это у Попова есть пара строк:

Мы стоим на горе, где стоят города,
Светим миру... Точнее, горим – от стыда...

Это отправная точка нашего рассуждения над книгой. Так и хочется процитировать здесь строчки почти забытого ныне Николая Асеева: *«Читатель стой! Здесь окрик и граница:// Здесь вход и форт, не конченный еще:// Со следующей он открыт страницы// И только – грудью защищен!»*

Хотя и форт и граница у Асеева были совсем другие...

ПОСТРАНИЧНАЯ СУДЬБА

«Я давно не читала такую книгу стихотворений. А, может, никогда. «Ловцы человека» Андрея Попова – событие не только в литературной жизни Республики Коми, но и в литературной жизни России, как и, вообще, в жизни сегодняшнего общества, – отмечает народный поэт Республики Коми Надежда Мирошниченко. – Книгу надо читать целиком, ибо это не просто исповедь автора, чем всегда является творчество настоящего поэта, а цельная Судьба Человека, по высокой собственной потребности взявшего на

себя служение высшим духовным ценностям, почти утраченным сегодня большинством из нас. Поэта, с самой юности и до сегодняшнего дня вставшего на тернистый путь Истины и возвращения к Богу, возвращения в духовное поле православной России, объединившей в своем трудолюбивом поиске все ценности, которые мы называем сегодня Русским миром».

Вот так – ни больше ни меньше Н. Мирошниченко отозвалась о труде своего коллеги А. Попова. Очень громкое заявление во многом «общими», отпугивающими от книги словами. Особенно вторая его часть. Но, зная эмоциональность Мирошниченко, следует понимать как поэтическую экспрессию все сказанное после слов «цельная Судьба Человека...».

Вот так у нас писателей всегда. Или мы переживаем, перехваливаем, или совсем не замечаем и замалчиваем. А поэту, такому, особенно, как Андрей Попов, и при той, и при этой ситуации совсем не сладко приходится. Ждет автор серьезного разговора, а его нет. Нет собеседника. Да и откуда взяться ему в коми-пермяцкой стороне.

И все-таки, и это не странно, Мирошниченко почти во всем права.

А уж она и почитала, и повидала в современной литературе немало. А к тому же и сама – писатель талантливый и уважаемый. Я хорошо запомнил ее «Белую сотню», книгу удивительную по целостности не только стихового строя, но, в первую очередь, авторской выстроенности и, конечно, эмоциональности.

Произнесли – «Судьба поэта»... Но говорим ли мы сегодня в прессе, на телевидении о судьбе поэта? О его роли в мире? Если укрупнить – о роли писателя? Роли – вообще!..

Чаще всего подразумеваем, но стараемся не дразнить либеральных критиков и умалчиваем о существовании такой роли. Оставаясь в тени авторов, которые на первом месте ставят развлечение читателя, отвлечение от повседневности, упразднение из сознания каких-либо мыслей на вечные темы.

Книга «Ловцы человеков» разделена на четыре части: «Время света», «Молитва русских», «Нелетное поле», «Тень апостола». Этакая постраничная судьба...

Каждое из названий главок отсылает к одноименным стихотворениям.

Если каждый период жизни может рассказать о себе очень много, то и глава настоящей книги – очень разговорчивый собеседник. Что же мы узнаем?

«**Время света**». И главу, и само стихотворение пишет человек, осмелившийся в толпе безгрешных современников сказать (выстрадав это признание) о себе и о нас, т.е. и обо мне:

Как много их – святых и строгих,
Познавших души и успех!
А мы с тобой грешнее многих,
А мы с тобой грешнее всех...

Поэт, знающий *«Как становится светло, Когда уже темнее быть не может»* повествует нам о том, что мы обычно за суетой не замечаем – о промелькнувшей жизни, ежечастной, ежедневно... в которой *«все предвещало// Лишь простые счастливые дни»*

Всем предвещало! Всем героям книги. Всем спутникам жизни поэта: выжившему в аварии деду Василию... и пешеходу, провалившемуся до самого дна во время хождения по водам, и другому, умирающему в канаве и ждущему самаритянина... и бесноватому, «живущему где-то во гробах»... и химере-демону, которого герой изгоняет из храма единственно возможным способом: смирением и словами *«А ты бы шел. Тебе неинтересно. И в храме нашем тесно. Ты бы шел...»*

Такая тихая обыденность не предвещала... смерть сына. Смерть – вызвавшую у автора к жизни философские стихи о многом, что, при привычной бытийности, старается быть забытым. Например, забывается такой простой смысл: *«Судьба – это путь»*. Путь – в финале которого нас может ждать Свет, если нам это очень будет надо, если мы об этом будем не просто молиться, а страстно требовать этого:

И спросят с нас! А для ответа
Какой у нас с тобой расчет?! –
Мы ждем упрямо время света,
И значит, к нам оно придет.

Придет – нам это просто надо
Сильней, чем строгим и святым...
Христос поднимется из ада.
И мы поднимемся за Ним.

Поэтому стихотворение «По электронной почте» – совсем про меня, поэта из деревни, пишущего про сенокос, навоз и все такое, что на «городских, хмельных и тонкокожих» так действует в селе. Но главное здесь в другом – в выводе, который очень долго был непонятен и поэту, и герою – автору письма, лечущемуся деревенской работой: *«Уже не повторяю: жизнь – навоз, Хоть жизнь навоз. Но легче стало что-то»*.

И мне этот вывод был долго жизненно непонятен. Я это понимание почти параллельно с Поповым прочувствовал. Высудьбил! Выстрадал! Нароботал! Высказал: *«Здесь жили предки лет пятьсот.// Здесь вызывает все восторг,// Когда навоз отчистишь...»*

Если правильно понять стихотворение «Исход», то становится ясно, в деревеньке врать некому, не перед кем форсить и рисоваться «выдуманными чувствами», не перед курами и коровами же... И тогда приходит время оглянуться на свою жизнь не просто трезвым взором, а честным совестливым взглядом. А эта честность и сподвигнет к молитве. А без нее никак этот взгляд не обретается:

...когда неприступную даль я вижу,
...когда гляжу на Небесный свет,
Бог становится рядом, подходит ближе –
Никого в пути ближе Бога нет.

А в книге молитва подведет нас к следующей главе – «Молитва русских». Тут нельзя не вспомнить уже навязшее в зубах стихотворение-анекдот Николая Зиновьева про молящихся перед боем русских. Попов этот же смысл, похожий сюжет, передает нам не через притчево-анекдотно-кузнецовскую манеру, а сквозь зеркало исторической ситуации – утра перед Бородинским сражением.

Он напоминает нам, что Наполеон шел освобождать Россию не от крепостного права, а от церковной власти, т.е. христианской веры, которая, по его мнению, была дикарской. Революция во Франции и ее «наимудрейшие» – не свободу дали, а отменили обязанность, а с ней и сделали стыдным само право человека верить в Бога и помнить про Совесть.

Как модны ныне чувства корсиканца! —
Привычно усмехнуться:
разве может
помочь нам пенье церкви?
(«Молитва русских»)

«Человек, обращающий другого к праведности, назван мудрым, и он будет сиять во век», – сказано в книге Притч. Ох, уж эти «мудрецы» и их либерально-демократическая «праведность»! Как далеко все это от Книги Притч...

Нашел я в одной из своих заметок о предыдущей книге А. Попова такие слова: «Я слышал, как автор читает свои стихи. Зал всегда ждет его несколько ироничную манеру мудрого собеседника. И хотя ирония его вовсе не смешит, хотя и вызывает порой грустную улыбку, все же это единственный случай в моей жизни, когда я принимаю ее. Да и ирония ли это, если сердцевина ее – искренность: *«Хотел написать: Я никогда не буду счастлив. Но испугался – стихи так часто сбываются».*

В послании к Римлянам (1-я глава) апостол Павел вторит Божьей мудрости: *«Я должен и Елинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам...»*

В этом отрывке нам следует видеть тот смысл, который понял поэт Андрей Попов. Главное для него не «готов благовествовать», а в словах «я должен». Не гордого человека слова – а человека служащего своему таланту.

Позже, в том же послании к Римлянам, в 9-ой главе, Павел говорит: *«Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти»* (Рим.9:1-3).

Благовестие было тяжелым грузом на сердце Павла, это известно.

А слагание стихов, пронизанных житейской болью за ближнего (а и свою-то осилить едва сил хватает) – стало почти невыносимым крестом в судьбе Андрея Попова.

Из стихотворения в стихотворение поэт по-новому осмысливает Евангельские Притчи, вскрывая для себя и нас какие-то прежде непонятные ему (и мне тоже) нюансы,

Хотя бы потому непонятные, что не все из нас читают Толкования, не все стараются погрузиться глубже и глубже в бездонность смысла Святого Писания. А из этих размышлений поэт формулирует кратко самое важное, чтобы запомнилось и всплывало в памяти в нужный момент.

Всплывала молитва и понимание – зачем молитва нужна.

Да вот за этим:

Разделят и нас при кончине времен,
А, может, и выбросят – мелочь земную.
(«Тайна невода»)

Молитва... В дневниках последнего года жизни Л.Н. Толстого очень часто встречаются слова о постоянной «внутренней молитве», особенно во время выхода на люди и общения с окружающими. Об этом он думает постоянно, повторяя из дня в день слово «стыдно».

И это делает человек, исторгнутый из лона Церкви.

А Попов почти вторит ему:

Повторяю Отцу покаянные речи:
Виноват, виноват, виноват...

Попов по сравнению с Толстым совсем незаметен и для государства, и для Церкви. Если не считать последнего скандала с Сыктывкарским Владыкой, вдруг ставшим членом Союза писателей, вопреки мнению писателей той земли...

Но, думаю, что Бог слышит стихи как раз А. Попова, а не местного Высокопреосвященства – самонадеянного пиита.

Для Попова жизнь в поэзии – Служение. И ни на какое другое Служение он и не дерзает. Этого одного: кровного, судьбинного достаточно:

***

Дождем Твоим время стерло,
Но ветром вернешь снова.
Грехом мне давило горло.
А в горле, как кость, слово –

За то, что искал другую
Жизнь без дождя и ветра.
Но что, кроме слова, могу я
Тебе принести в жертву?

Есть еще и жизнь... Но об этом потом.

Но А. Попов, как каждый мирянин с начальным богословским всеведением срывается с «правильности» на самом простом – на отношении к миру:

Хочу возненавидеть мир,
Тем избежать печали,
Чтоб чувства и дела мои
Судьбы не замечали –

Не замечали дней и стран,
Смиряться понемножку...
Смотреть на мировой туман,
А видеть свет в окошке.

(«Монах»)

Тут уж простор для критики мирского поэта. Стоит попасть этой книге в руки всплывающего священнослужителя – и он камня на камне от нее не оставит. Но бояться этого не стоит. Пушкина поучали, Толстого – поучали... А недавно еще и Валентина Курбатова журили в одной из Епархий, запретив к тому же к продаже его книгу «Батюшки мои», за которую, кстати, Патриарх вручил ему свою премию. Так что Попов в отличной компании. С отличными стихами:

Не знаю, сколько мне осталось дней,
Но надо все простить,
Молиться чаще...
Стихи выходят – становлюсь сильней
Дождей и смерти.
Чем-то настоящим.

(«Сплошная осень – лета ни следа...»)

И вот тут опять показалось бы, что слова «условны», образы «придуманы», чувства – для красоты. Если бы в этой главе не оказалось еще много очень болезненных стихотворений, посвященных сыну. Единственному сыну... Убиенному сыну. Их я обсуждать не берусь. Хотя они будут близки всем людям, кто хоть раз в жизни внезапно потерял дорогого, а что еще страшнее – единственного – человека.

Ключевым в этой теме я бы поставил это стихотворение:

***

Представляю, что там не дома, а чертоги –
В благорастворении райских высот,
И нет ни унынья, ни даже изжоги,
И жизнь бесконечно и плавно течет.

Прощенные души о нас пожалеют,
Словам подбирая молитвенный лад...
И сын мой убитый по дивным аллеям
Гуляет, и ангелы с ним говорят.

И он улыбается жизни и свету,
Небесному счастью –
На каждом шагу!
Я так представляю. И плачу при этом.
Чего же я слезы унять не могу?!

А не может слезы унять, потому что на «**Нелетном поле**» никому ничем помочь уже нельзя. Тут обычные уставшие люди. И даже поэт почти разуверился в своих силах, что он другую жизнь вести должен. Он пьет, тоскует, бедует.

***

Птиц что-то нет – комары кругом,
Нет куликов для болот.
Ворона каркает ни о чем,
Думая, что поет.

Нет суматох над родным гнездом,
Утро, туман и быт.
К горлу неба подкатит гром,
Думая, что молчит.

И не укроет птенцов крылом
Черный, как грач, вертолет.
И время молится ни о чем,
Думая, что идет.

(«Нелетное поле»)

Некуда ему идти – *этому времени*.

Если это и не поле даже – а кладбище. Тут только «Мертвецы»:

Им Блок сказал: – Не лязгайте костями!
Не лязгайте костями, господа!
Но не лежится им в могильной яме,
Они встают до Страшного Суда.

Они встают, чтоб с нами поделиться
Познанием своим житейских драм,
Что ни к чему молитва и жар-птица,
Да и любовь к отческим гробам...

(«Мертвецы»)

Нет тут тех, за кого искренне молились. Здесь только самые искренние враги жизни и «летного поля».

Некуда идти по жизни?

Им некуда! А поэт дорожку свою знает. Еще в прошлых главах протоптал. Он находит в них еще одну – пусть маленькую зацепку – искренность, – и призывает себя продолжать молиться за врагов этих, «живых» и мертвых. Чтобы иссякло это время, которому некуда идти. Иссякло! Этого последнего часа иссякания поэт именно поэтому и не боится. Чего же тут терять в таком безвременье, безгололье, немоте?

***

Те, за которых мы от души молились,
Мыслями о них наполняли храм –
Велика Твоя, Господи правый, милость –
Стали искренними врагами нам.

Могли бы выдумывать добрые лица,
Желать машинально «Господь храни»...
Надо теперь сильнее о них молиться,
Остаться искренними, как они.

Будем в молитве своей искренни, как они – в ненависти! Сильно сказано!

Но куда мы денемся с этого «нелетного поля», коли нас сюда судьбина занесла? Так и будем киснуть по пивным, трудовым коллективам, в самолетах и поездах, в личных автомобилях, на пляжах, на Луне и на Марсе... даже когда там будем – все равно поле останется нелетным.

Ну, куда ты полетишь, коли крыльев у тебя быть не может? Ползучие мы твари, но и нас любить можно, нужно даже. И поэт любит. Старается полюбить. Потому и стихи иной раз ироничны. Опять же иронизирует он над собой, своей, во внешний взгляд, правильностью. Иронизирует, чтобы умники нелетно-залетные не укорили, не обвинили, не опозлили. Да и не боится он этого... Важнее, чтобы душу его не огадили. Пусть внешние атрибуты ее лицезреют. Нет у них инструмента такого, через который они душу поэта могут увидеть. Значит, так Господь им судил. Пусть такими уродцами и живут дальше. А Попов – поэт Андрей Попов – их пожалеет, даже поименно почти перечислит. Одного же Отца мы все дети. Даже те, кто не признается в этом. А стало быть, братья и сестры – ближние. А как их не любить...

Не так уж мало – повторять кафизмы...
Мой юный сын,
Не так уж это мало.

(Не так уж мало – верить и молиться)

ПРОСТИТЕ НАМ...

Надо помнить, что «Ловцы человеков» по Евангелию навсегда призваны совершать великое дело Благовестия – т.е. дело спасения утопающих в море греха от неизбежной гибели на рифах ада. И это величайшая Божья забота.

– Наставниче! – Симон сказал в ответ. –
Всю ночь трудились, а улов – трава и ветер.
Нет рыбы в море. Видно, рыбы нет...
Но я по слову Твоему закину сети...

Наставниче! Не покидает страх,
Всю жизнь трудились – а не стали, словно дети.
Как уловить любовь в делах, стихах?..
Но я по слову Твоему закину сети...

(«Ловцы человеков»)

***

Как входят в окно, я смотреть хотел,
Лес и небесная ширь.
И постигать за пределом предел –
И кротко читать псалтырь.

Вот небо и лес. И псалом второй.
И ветер поет строку.
И как мне вдруг тяжек предел земной –
Дальше читать не могу.

***

Я в зимний день без всякой цели вышел,
И был я рад, что снова одинок,
И свет дневной все тише был и тише...
Храни вас Бог.

Я шел без цели, но небесным знакам
Необратимо подступает срок –
И я учился понимать и плакать...
Храни вас Бог.

(«Тихий свет»)

И этот человек, столько переживший – не олигарх, не министр, не чинуша от литературы... всего мирского, что называется «в шоколаде», и не перечесть. Этот человек скажет самое важное для каждого живущего. А точнее повторит за Ним, через всю свою судьбину пронеся, чтобы понять, выплакать и обратиться с простыми словами к своему современнику и читателю:

Прости меня, что я еще живой,
Что жизнь моя мне слаще винограда.

А почти 150 лет до нашего года Ф.М. Достоевский в одном из своих романов задавал те же самые вопросы и отвечал на них в чем-то похоже, а где-то и неожиданно:

«...До свидания! Ну, хорошо, ну, скажите мне сами, ну, как по-вашему: как мне всего лучше умереть? Чтобы вышло как можно... добродетельнее, то есть? Ну, говорите!

– Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье! – проговорил князь тихим голосом...»

Так, поживя со стихами, с мыслями при чтении, хотелось бы побольше цитировать. Но и так огромная статья получилась. Какому читателю терпения хватит?

И все же, жаль, что стихи эти не читаются в школах, на концертах в филармониях, не обсуждаются на семинарах в университетах, не критикуются на богословских факультетах... Восторга современный читатель хочет от жизни – легкости.

Эта книга способна дать и то и другое!

Но сначала надо научиться читать...

Страдать и прощать, правда, придется научиться раньше. Для того и живем!

2016, ноябрь–декабрь